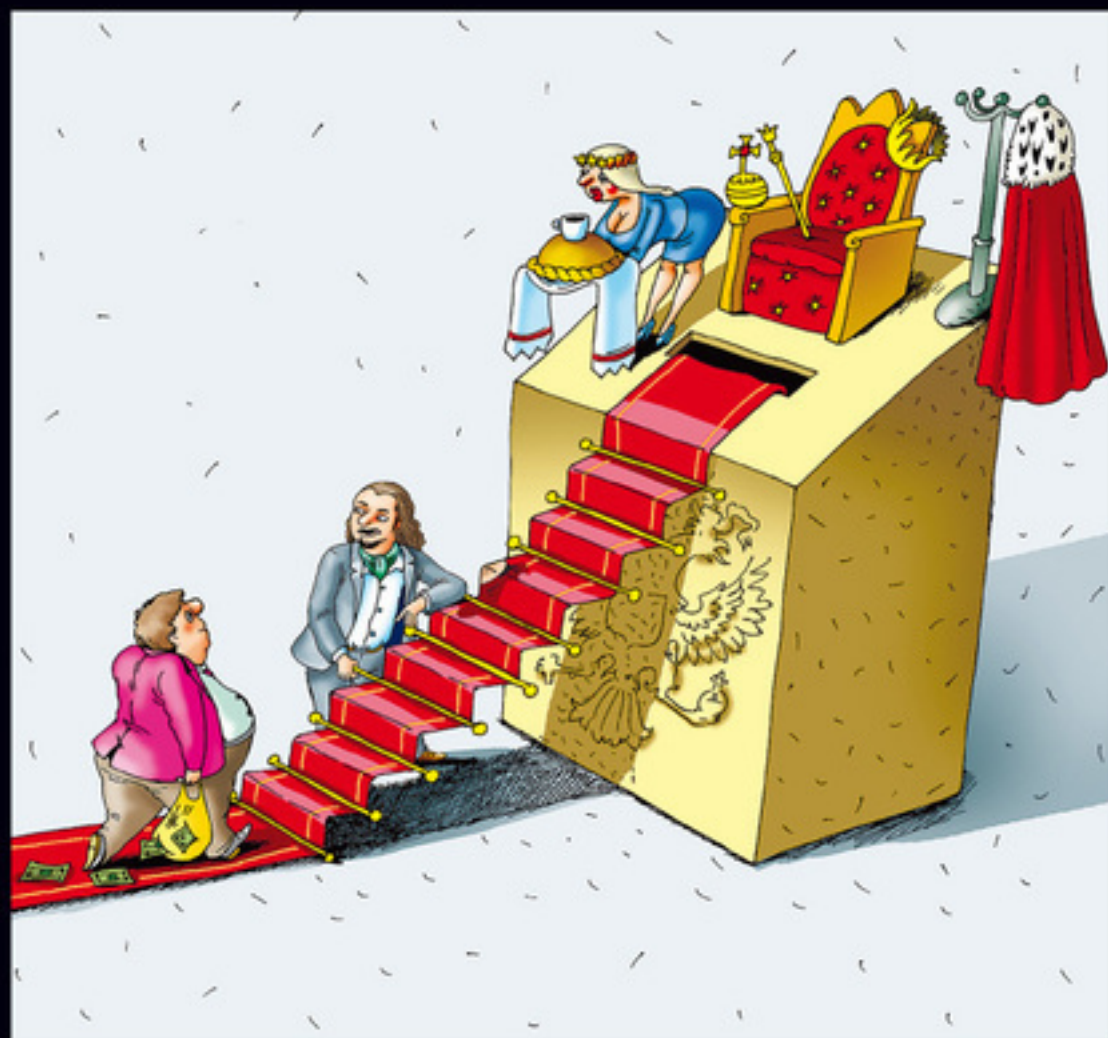

Ростислав Мурзагулов

БАБАЙ ВСЕЯ РУСИ,

или Операция «Осень патриарха»

Ростислав Мурзагулов

**Бабай всея Руси, или
Операция «Осень Патриарха»**

«ИД Комсомольская правда»

2016

УДК 82-7
ББК 84-7

Мурзагулов Р.

Бабай всея Руси, или Операция «Осень Патриарха» /
Р. Мурзагулов — «ИД Комсомольская правда», 2016

ISBN 978-5-4470-0248-0

Роман «Бабай всея Руси, или Операция «Осень Патриарха»» является продолжением нашумевшей книги Ростислава Мурзагулова «Бабай всея Руси, или Особенности уездной демократии», которая стала хитом продаж, трижды переиздавалась, получила более 70 тысяч скачиваний в интернете и была названа С. Белковским «лучшей книгой всех постсоветских лет о региональной политике». И в первой книге, и в ее продолжении – политтехнолог, работавший с многочисленными VIP-персонами российской политики неожиданно откровенно и смешно пишет о нравах, царящих среди его бывших контрагентов. В качестве основных прототипов главных героев легко угадываются основные лица российской политики, однако конкретных имен автор не называет, предоставляя читателю закрытую инсайдерскую информацию о событиях, происходящих в коридорах власти.

УДК 82-7
ББК 84-7

ISBN 978-5-4470-0248-0

© Мурзагулов Р., 2016
© ИД Комсомольская правда, 2016

Содержание

Обычный день Прохвоста Обыкновенного, политического	6
Десант вежливых зеленых человечков	12
Перспективный нацкадр и кастинг преемников Бабая	16
Конкурирующая фирма	19
По закону или по совести	22
Энергичные люди из провинции	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ростислав Мурзагулов Бабай всея Руси, или Операция «Осень Патриарха»

- © Ростислав Мурзагулов, 2016
- © Раиф Бадиков, фотографии, 2016
- © Олег Яровиков, фотографии, 2016
- © Ханиф Сунугатуллин, фотографии, 2016
- © Альберт Загиров, фотографии, 2016
- © Николай Марочкин, фотографии, 2016
- © Катерина Мартинович, рисунки, 2016

* * *

Факты и страны – вымышлены.
Роль автора – многократно преувеличена.
Совпадения – случайны. Вот совсем случайны.
Прямо ничего общего с действительностью.
Вообще ничего. Ну, вы поняли...

Обычный день Прохвоста Обыкновенного, политического

За 4 года до энциклопедии

Олигархи – милейшие люди. Обожаю с ними встречаться. Они быстро переходят на «ты», много шутят, дружески и ободряюще улыбаются. Заказывают лучшие вина и никогда не позволяют платить. Выглядят нарочито «обычными людьми», вздыхают о тяжелой олигаршьей доле, ничего не понимают в «человеческих», меньше миллиона, масштабах денег и мечтают о поездках на картошку, стройотрядах и тому подобном. Поражают образованностью и эрудированностью, с легкостью перескакивают с цитат Ницше на особенности судовождения в корейском Пусане.

При этом где-то в глубине заблудшей души мне, конечно, понятно, что это в разговоре с собственным пиар-консультантом они так милы и обаятельны. Они почему-то думают, что я единственный, кого им нужно убедить в своей хорошести, а дальше бизнес-процесс будет запущен, и я смогу все многократно повторить, усилить и убедить в этом всех остальных.

А буквально час назад вот этот милейший парень лет 45-ти, так искренне хохочущий сейчас над собственным рассказом о первой бутылке водки, распитой на картошке, играя желваками, запросто мог приказать начальнику своей охраны «башку оторвать» оппоненту, не беспокоясь о том, будет ли это воспринято в прямом или фигуральном смысле.

Два часа назад он, возможно, швырнул секретарю в голову хрустальной пепельницей, потому как этот урод никак не возьмет в толк, что не надо с олигархом заговаривать, пока он еще не положил трубку, даже если кажется, что разговор уже окончен.

Не исключено, что три часа назад он завел к себе в комнату отдыха прехорошенькую юную экономистку, примеченную на корпоративе. У нее были бездонные, наивные синие глаза, как в юности у одной, тогда недоступной, одноклассницы олигарха. Экономистка забавно рыдала, что очень любит своего мужа и никогда ему не изменяла. А он иронично парировал, что мужу он ничего не собирается рассказывать, а ей куда лучше подрасти до замначальницы департамента, чем быть уволенной с выговором и безуспешно искать работу в наше нелегкое кризисное время. Вялое сопротивление было сломлено, победа вроде клинтовой над Моникой Левински – одержана.

Четыре часа назад, уезжая от той самой одноклассницы, уже пару лет служившей ему одной из младших жен (это не описка, у наших олигархов без всякого шариата несколько жен, каждой куплена квартира или дом в «элитном»¹ комплексе, у каждой штат прислуги, у многих дети подрастают), он мог поручить все тому же главному охраннику поставить ее на прослушку.

Потому как надо разобраться в характере ее взаимоотношений с их общим одноклассником Колей, а ежели найдется что подозрительное – объяснить Коле, что в случае его новой, даже самой невинной встречи с пассией олигарха Коля выпадет из окна элитного дома пассии.

Обрывки таких рассказов долетали до меня от многочисленных общих с олигархом знакомых. Некоторым рассказам я верил сразу. От некоторых отмахивался. Но они порой настырно лезли-таки в голову, например, заголовками о скоропостижно простреленном автоматной очередью том самом оппоненте олигарха.

Впрочем, следствие, как правило, быстро заходило в тупик, а значит, мне нечего было переживать, мало ли чего завистники о богатых людях говорят.

¹ Дорогие профессора МГУ, я помню, что правильно – в «элитарном», что «элитные» – это собачки и злаки, но пытаюсь просто быть понятным читателю!

К тому же олигархи мне платили, и неплохо. Я был на хорошем счету у тех, кому нужно было иметь хорошую репутацию в экономических или политических целях, тем более что политические цели и в цивилизованном мире живут душа в душу с экономическими, а уж в нашей развивающейся стране мы вообще пока не удосужились хотя бы формально разделить бизнес- и политическую элиту.

Каждый из олигархов, отхватив свой первый миллиард, естественным образом начал стремиться к всё большей власти за пределами своего офиса, дома и однокурсницкой постели. Их всех начинало рано или поздно бесить, что надо ходить на поклоны к политикам для решения их деловых вопросов, тогда как они в реальности этих политиков давно с потрохами купили, а значит, можно легко исключить их из цепочки раздачи денег, если самому стать политиком.

Сначала они, как правило, хотели стать депутатами или сенаторами. Такие заказы мне всегда очень нравились. Олигархи цен на политику не знали, платили щедро, были послушными учениками в ходе кампаний и по-детски радовались своим уверенным победам на выборах, даже если выборы в реальности были не совсем выборами. А в реальности все дело решал занос трех миллионов рублей вице-губернатору Ивану Сидоровичу, который дал команду подшефному избиркому подсушить явку электората и подкинуть голосов олигарху к его полутора процентам реального рейтинга.

Некоторое время олигархи упивались новым статусом, но довольно скоро разочаровывались, понимая, что, увы, в нашей замечательной стране у представительных органов власти этой самой власти не осталось давно никакой. Тогда они хотели стать кем-то еще, например, губернаторами.

Здесь начинались разводки посложнее. Один Иван Сидорович тут уже не делал погоды. Тут надо было найти таких ивансидорычей в столице нашей великой страны, получить добро на политическую деятельность подшефного, ввести его во все возможные политические круги и кадровые резервы, добиться разрешения на участие в выборах, ну и сделать саму кампанию (это было самое несложное).

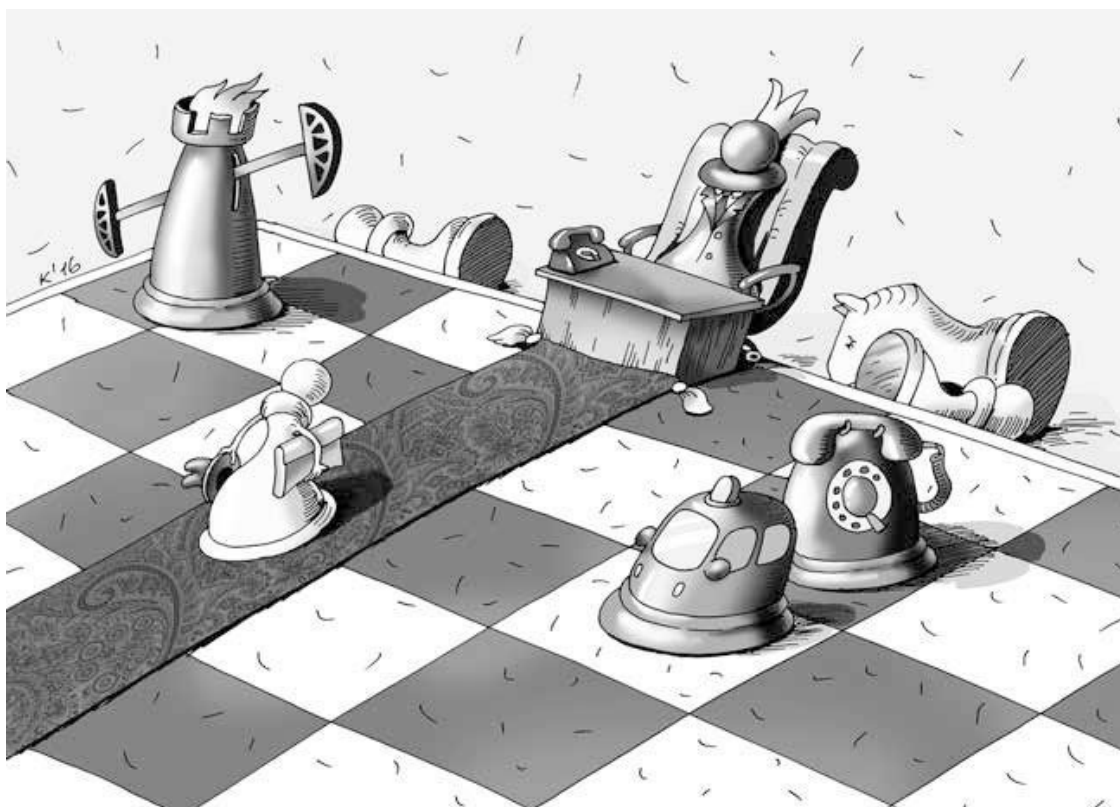
Сегодняшний разговор оказался как раз из разряда таких.

Олигарх Андрей Бобровский, по кличке Бобр, разочаровался в организованном ему пару лет назад депутатстве в парламенте страны от родной Бабайской области и принял непростое решение двигаться дальше.

Он был так возбужден и напуган собственным мужественным решением, что быть милым и образованным на этот раз у него не получалось никак. Ну, или, может, сказывалось, что вообще-то закончил он только Норильский техникум заборостроения, остальные корочки, включая академика, купил, а цитат Ницше знал от старшей жены всего две, и на все встречи их не хватало.

Мы встретились, как всегда, в сусально-золотом ресторане «Мост», в двух шагах от офиса олигарха. Однако заказывать ничего Бобр не стал. Он склонился над столом вплотную к моему лицу, воровато оглянулся по сторонам и заговорил:

– Слышь, брателло, тут такое дело... Дело такое... Как бы это... А это, поехали в «Дружбу»?

Тут я понял, что олигарх взволнован и сейчас реально будет что-то интересное. Поскольку «Дружкой» называлась дешевая китайская забегаловка с клеенчатыми скатертями, с аутентичной и быстрой китайской едой, где столовались столичные китайцы и студенты. Мне это заведение было знакомо по студенчеству, а олигарха туда как-то завела одна из младших жен.

Бобру нужно было место, где его точно не прослушают или случайно не долетят обрывки беседы до соседнего стола, где обедают такие же олигархи с такими же обслуживающими их жуликами.

«Дружба», безусловно, была именно таким местом, где ни олигархи, ни аппаратура госбезопасности пока не водились.

Кавалькада из двух квадратных олигарховых джипов и мечущегося между ними «Майбаха» пронеслась сквозь полцентра переполненной столицы за пару минут, и мы уже сидели за клеенчатым столом, когда Бобр заговорщицки прохрипел:

– Я иду на первое лицо!

Возможно, нормальный человек из этой фразы понял бы примерно ни хрена, но я сразу взбодрился:

– О, идем в губернаторы Бабайской области? Круто! Давно пора было решиться! А с Бабаем договорился?

Бобр в ответ нахмурился, заиграл желваками, сверкнул недобрый взглядом. Было понятно, что с действующим главой Бабайской области, по кличке Бабай, он не договорился и идет, как у нас говорят, «на живое место». То есть – на открытый конфликт с действующим крутышом, «тяжеловесом», занимающим некую серьезную позицию с хорошей поддержкой в Кремле, с явным намерением крутыша схарчить и занять его место.

Такая тактика была редкой даже среди таких чисто конкретных типичных представителей класса олигарховидных, как Бобр. Потому как крутыш и его поделники могли и ответочку прислать в самых разнообразных вариантах.

Обычно, если кто-то все же шел «на живое место», это означало, что соискателю нужны не только деньги и власть.

Обычно в таких случаях присутствовал еще и третий из основных мотиваторов олигархов, а именно – эмоции. Например, месть. Вроде и не были знакомые мне олигархи дураками, и должны были понимать, что из мести лезть на себе подобного чревато последствиями, но удаль молодецкая из них перла точно так же, как и из гопоты, сидящей на корточках по подворотням.

На мой резонный вопрос: «Андрей, а на хрена тебе надо лезть на живое место?» – тот снова вскипел:

– Вот ты тоже не понимаешь! И Кац вон не понимает!

Марк Моисеевич Кац был тем самым то ли заместителем, то ли младшим партнером такого типа, без которого не обходится ни один уважающий себя олигарх. Кац с олигархом – со школьной скамьи.

Он все знает, все помнит, все понимает лучше босса и пытается не дать ему залезть во все мыслимые блудняки, куда олигарх с утра до вечера рвется благодаря своей флибустьерской сущности. Мы, шустрые мальцы, кацев не любим.

Олигархи ведь с нами запанибрата, и деньги считать для них – западло. А кацы – это именно они протяжно вздыхают и немигающе смотрят на нас поверх своих круглых очков глазами, полными укора, и уточняют, действительно ли в долларах наша смета, или ошибочно значок доллара появился вместо слова «руб.»?

Это они морщатся, когда мы рассказываем о своих героических подвигах по спасению репутации олигарха, и наверняка, гады, раскрывают ему потом глаза на наше сильно преувеличенное влияние на его имидж.

Это они, гадины, рассказывают рано или поздно олигарху, что те чудеса полиграфии, которые мы ему показывали в ходе его избирательной кампании, рассыпая мудреные термины про воздействие на электорат, не оказали на электорат ни малейшего воздействия. Поскольку отпечатаны были в количестве трех штук каждый плакатик, только для показа олигарху, а остальные бабки мы благополучно попилили, выиграв выборы лишь благодаря Ивану Сидорычу.

Но сегодня Кац работал мальчиком для битья, и олигарх не его использовал для того, чтобы мои слова делить потом на 16, а искал у меня поддержки и защиты от Каца.

– Вот вы говорите риски?! Да, бл..., риски! Риски! Если сожрать от щас Бабая, потом от х...ебая, потом от м...дабая!!! У нас страна такая! У нас бизнес такой! Проглотишь один раз – за человека считать не будут!!!

Бобр рычал на весь ресторан. Китайцы робко жались к стенам, студенты глубоко погрузили носы в свои тарелки с удоном².

Из его путаного рассказа мы с Кацем слышали, что Бабай то ли недодал процессинга, то ли передал терефталевой кислоты – в общем, куча какой-то нефтехимической мути, из которой выходило, что дед нанес Бобру страшную обиду, простить которую было никак нельзя.

Кац слушал, скептически закатив глаза. «Хай-вэй, сейчас он опять станет тратить наши деньги!» – стенало его лицо, выражавшее всю скорбь еврейского народа. Я же понимающе кивал. Хотя единственное, что понимал, было то, что нужно понимающе кивать. Был, правда, очевиден еще один факт: чувак закусился и средств на кампанию жалеть не будет. Ну, я ж его честно предупредил об издержках. А дальше – каждый сам песец своего счастья.

Кац был разбит, аргументы – найдены, предложения Бобра – горячо поддержаны, и я без особой торговли принял предложение стать креативщиком рабочей группы по сносу Бабая.

Первое совещание рабочей группы состоялось здесь же, в «Дружбе».

² Удон – китайская лапша.

Бобр без обиняков вышел на конкретный базар:

– Значит так. Кандидат у нас есть. Начальник штаба есть. Рисуи смету, проводи через Каца. И сразу думай, как решить главный вопрос. Нужна поддержка Кремля. Щас по губермам решает Юревич. А у Юревича работает твой братан Василич, так? Прикинь там, чо к чему?

Олигарх вопросительно поднял брови. Его вопрос заключался в том, нельзя ли дать кому-то денег за поддержку Кремля. Ответ у меня был готов даже без консультаций со знатоками:

– Андрей, ты знаешь, Юревичу нельзя тупо дать бабла и попросить поддержать. Он как бы не про это. То есть бабло у него откуда-то есть, но к нему нельзя зайти, кинуть пачку на стол и сказать: «Бобровский. Бабайская область». Ему можно просто попытаться показать многочисленные косяки деда и сделать в паблике ситуацию в области настолько вопиющей в каком-то смысле, что оставлять Бабая будет вредно для имиджа Самого Михал Иваныча. Тогда Юревич согласует все с Митей, вытащит дедушку в Москву и заставит его написать заявку «по собственному». А в это время мы должны аккуратно подпирить, как ты умен, красив, как любишь родную область, какой у тебя колоссальный опыт в госстроительстве, а там и найдутся добрые люди, которые тебя к Мите или даже к Самому заведут.

Бобр кивнул:

– Принимается. А что с «Байнефтью»?

Это был еще один фактор, который нельзя было не учитывать. Раньше Бабай был всемогущ, потому что в его руках была «Байнефть» – огромный нефтеперерабатывающий комплекс, в который еще в советское время влили оборудования миллиардов на 15 зелени и который с тех пор исправно генерировал по миллиарду-другому все той же сочной и чистой зелени в год, причем без особых издержек.

«Байнефть» когда-то давным-давно приватизировала фирма «Свисток», у которой, как водится, на балансе были стул и счёты. Владели «Свистком» безвестные сотрудники самой «Байнефти», контролируемые сыном Бабая. А все вышеописанное позволяло деду на голубом глазу заявлять в интервью, что он «ТЭК не отдал олигархам, а оставил трудовому коллективу».

Однако это все прокатывало до тех пор, пока у бабаев в регионах была власть. Когда всю ее свезли в столицу Великой Страны, то и бизнесы от бабаев переключались к предпринимателям, как у нас говорят, «понятным для федеральных чиновников».

Одним из последних больших чиновников, «понятные» которому предприниматели пока ничем не владели, был Госсекретарь и правая рука самого Михал Иваныча по имени Дмитрий Александрович Зайцев. За глаза его все называли Митей – за малый рост и милый вид.

Однако милый малый Митя показал зубки сразу же при назначении на должность Госсекретаря. Он лихо раскидал прежних фаворитов Михал Иваныча по углам и стал не только по названию вторым человеком в стране, но и реально сконцентрировал у себя власти столько, что только у Михал Иваныча ее было больше. Но при этом Михал Иванычу внутривластная повестка к тому моменту наскучила, и ему хотелось править миром, что он с переменным успехом и делал. А внутри страны правил Митя.

По всем понятиям, приятелям такого солидного человека не могло не перейти во владение какое-нибудь солидное предприятие. Последним солидным предприятием в стране как раз и оставалась «Байнефть». После короткой схватки и пары уголовных дел, заведенных на сына по поводу кражи «Свистком» «Байнефти», дед поднял лапки кверху, лавку сдал и сказал по телевидению свое знаменитое на всю страну:

– А что делать? Жить-то надо.

Счастливым новым владельцем «Байнефти» стал Митин друг и олигарх по фамилии Пенюшенков, которого в тусовке звали за глаза «Пентюх». Он был знаменит обращенной к строю генералов на инаугурации Мити фразой, случайно пойманной кем-то и быстро разлетевшейся:

– Митя вам всем, бл..., покажет!

Митя, собственно, и показал. Среди генералов, как потом выяснилось, тоже были желающие забрать последний большой завод. Но к чести Михал Иваныча надо заметить, что пацан сказал, что Митя внутри рулит – Митя и рулил. До тех пор, пока пацан не передумал.

Пентюх же рулил «Байнефтью». И, разумеется, не мог не иметь мнения по тому поводу, кто будет рулить самой Бабайской областью дальше. Поэтому Бобру было важно заручиться поддержкой нового владельца бабайской нефтянки. Ибо Пентюх был одним из немногих, кто, наряду с Юревичем, мог зайти к Мите и сказать ему: «Доколе?! Будет править это чудило, которое...»

А вот которое – это нам и предстояло придумать. А после ввести эту информацию в подкорку тем, кто принимает решения, да так забористо, чтобы они решили дедушку снести, а поставить на его место, например, Бобра. Или еще кого-нибудь. В принципе, было все равно кого, так или иначе – новый губер будет знать, кто дедушку допинал, и нам нашу долю на родине отведет.

Мы и стали думать.

Десант вежливых зеленых человечков

За сутки до эндшпиля

То лето в нашем краю вечнозеленых помидоров было теплым. И как раз на выходные пришлось, шутят у нас без малейшей доли веселья. В этот теплый выходной я сидел на работе и с отвращением ваял то ли отчет по планам, то ли план по отчетам – какую-то страшно важную бумажку, без которой шефиня, конечно, не выжила бы до понедельника.

Я руководил в заметной на нефтяной карте мира большой компании блоком пиара-джиара³ -айара⁴. Моей задачей была любовь. Любовь всех и каждого, от дворника до президента и мировых инвесторов, к нашей дурацкой компании. Которая заслуживала весьма немного этой любви. Ну а за что ее было любить, если первое, что сделал ее менеджмент после покупки, – снизил зарплату 40-ка тысячам рабочих на 20 %, а отчисления в бюджет – аж на 40 %. Совсем похерились статьи на безопасность, то тут, то там на заводах забумкали взрывчики. Пара человек ушли к праотцам, а остальные начали вдыхать значительно меньше кислорода в воздушной смеси. Повысились только дивиденды акционеров, зато очень заметно. Это все было красиво названо словом «оптимизация», но любовь окружающих к оной отчего-то не случилась.

Что, конечно же, не мешало начальству требовать с меня планов по любви с народом, журналистами, властью и инвесторами. Планы должны были включать в себя частоту любви, разновидности позиций, шкалу наслаждения, слова страсти и уровни децибел любовных стонов.

Сегодня план писался особенно туго. Потому что мой заместитель Доцент, гад, уехал с семьей в наш корпоративный пансионат в законный отпуск.

Он бы некрупным специалистом в любви к нашей компании, потому что сам не сильно скрывал своей нелюбви к таковой, но виртуозно составлял эти самые планы и отчеты. Причем, вообще не важно, на какую тему. Все, что его интересовало, – это названия пунктов плана и меры измерения этих пунктов. Я заметил Доцента лет 10 назад, когда он еще работал фотографом и всякий раз уже через 15 минут после съемки присылал ровно те, какие нужно, файлы, идеально расписанные по датам и событиям, чего ранее за 15 лет работы с подобными специалистами я не замечал. Доцент (и вправду, кстати, кандидат наук – вроде исторических) быстро взлетел по карьерной лестнице и стал переходить со мной с проекта на проект, составляя планы-отчеты то по ракетостроению, то по проституции, то по выборам, в общем, по любым вопросам, где хотя бы теоретически можно что-то измерить или спланировать. Особенно незаменим Доцент был, когда я служил областным вице-губером, потому как жизнь любого чиновника на 99 процентов состоит из планов и отчетов и только еще на один процент – из выбора отеля для поездки на отдых.

Время сдачи отчета предательски приближалось, а дело не шло. Рука малодушно потянулась к телефону. Да, беспокоить подчиненных, к тому же таких незаменимых и ставших за 10 лет друзьями, в отпуске – неудобняк. Но а) он не откажет; б) я ж отплачу ему любыми ништяками, которые ему могут от меня понадобиться в будущем.

Но он отказал.

– Чего-чего, почему не можешь? – растерянно пробормотал я, не будучи готовым к такому ответу.

– Шеф, я же Вам говорю – переезжаю в другой пансионат, в пятизвездный.

³ G.R. – Government relations. Связи с правительственными организациями (англ.).

⁴ I.R. – Investor relations. Связи с инвесторами (англ.).

Да, забурел чувак. И блин, как же он достал с этим «Вы», говорит официально даже в предложениях типа: «Вы уже шестую без закуски вмакарили, шеф, под стол щас пи...данетесь».

– А что тебе в трехзвездном не отдыhalось?

Доцент, как всегда, без эмоций сообщил, что вывозят всех постояльцев под предлогом неожиданно отказавшей канализации. Теперь всех бесплатно разместят в таком же ведомственном, пятизвездном пансионате, на сто километров дальше от столицы Бабайской области, носившей поэтичное имя Тришуруп.

– А чо с канализацией?

– Да ничо, шеф. Пользуемся все вшестером регулярно, все работает. Я думаю, к нам войска вводят, в соответствии с запиской, которую Вы мне надиктовывали полтора года назад.

Мой мозг окончательно вскипел. Пожалуй, не стоило вчера с Воробьем ехать после «Ля Ля» в караоке к Шмелям. Совсем башка бросила работать, какие-то полторы бутылки белого на каждый глаз – и мерещится фигня всякая.

– Ты про какие войска, брателло? Про воинствующих четырех спиногрызов своих женского пола во главе с такого же пола воинствующей женой, которую задолбал уже твой придурковатый босс, мешающий отдыхать?

– Нет, почему. Вы что, забыли, что писали записку со Слоном, зимой еще, сказали, что это план по снятию Бабая? Выпили литр чиваса, я записывал и отправил, куда Вы велели, на адрес demurg@president.rf. Потом еще сразу ответ пришел из одного слова: «Принято», я Вам доложил. А Вы со Слоном поехали в караоке к Шмелям «Ред хот чили пепперс» ваш любимый петь.

Ну да, к Шмелям, к кому же еще. Ту записку я сразу вспомнил, конечно. Крутая была записка. Василич сказал нам со Слоном, что надо на всякий случай написать целый план эндшпиля операции по сносу Бабая. Типа как бы мы действовали, если бы были Юревичем, который должен что-то объяснить Самому Михал Иванычу.

Слоном был еще один мой зам, только уже не по планам-отчетам, а главный креативщик всех малых и больших контор, на которые мне случалось работать. От планов, отчетов и записок он натурально впадал в панику, зато не было второго чела в мире, с которым можно было всего лишь за одну бутылку виски решить до мельчайших дьявольских подробностей любую проблему человечества. Ну, если записывал и приводил в божеский вид весь этот бред Доцент, конечно.

В тот раз задачка была – самый самолет. Особенно с учетом того, что мы уже не первый день состояли в де-юре несуществующей неформальной группе Великого и Ужасного Владислава Юревича по сносу Бабая.

Владислав Юревич служил Главным Идеологом нашей Великой Страны. Он любил писать крутые заумные книжки про всякую гламурную гнусь, сочинять песни для кокаиновых рокеров и в свободное от этого всего время управлять страной так, чтобы население думало, что никто вообще-то им не управляет.

Мы видели серого кардинала в лицо только по открытым официальным поводам, и никогда не было ни одной тайной вечери, где он бы говорил заговорщицки: «Ребята, давайте придумаем уже, как снять этого мерзкого сатрапа режима с вашей малой Родины!»

Однако мы знали точно, что Владислав Юревич в какой-то момент действительно решил, что наш Бабай как-то больше не вписывается в новый дивный мир, который Юревич строил в пределах страны и ее окрестностей, и начал операцию по его смещению. О его причастности к операции можно было догадаться лишь однажды, когда один из нас, главарь нашей ОПГ⁵, по имени Василич, выступив в кабинете Юревича с долгим докладом по так себе ситуации в Тришурупе, наткнулся на долгую паузу в ответ. Владислав Юревич долго смотрел на рубино-

⁵ Общественно-политической группы.

вую звезду, отражающуюся в окне его кабинета и наконец промолвил: «Н-да, пора уже прийти осени патриарха».

Мы были парни деревенские, и, хоть и слышали об этом бессмертном произведении (Маркеса же, да?), не очень были в курсе, что за осень у какого патриарха там наступила. Начали шутить, что по количеству лет, которые наш Бабай отсидел на боевом посту, у него давно уже не осень, а зима, и как бы после нее опять весна не настала...

– Так, придурки (Василич был нашим старшим и имел полное право нас так называть), я не ржать вас просил, а спросил, про что, бл...ть, эта книжка?!

Мы точно не знали ответа и обязались к утру доложить, про что кино. Скачали книжку, оказавшуюся адски занудной. Мы ее пролистали, как смогли, и получили представление, что это про какого-то старого муделя, который управлял, как заблагорассудится, каким-то регионом латинской Америки лет сто, но потом ему-таки пришлось свалить.

Объяснение, даже такое приблизительное, Василичу понравилось. Ему очень хотелось, чтобы Бабай свалил. Но не просто свалил, а еще и не смог оставить после себя рулить бабайским краем своего преемника. Если бы Бабай оставил своего преемника, то каждому из нас путь домой был бы заказан. Таковы правила войн наших кланов. Победитель не любит, когда проигравший отравляет своим присутствием воздух страны размером со Швейцарию. И в лучшем случае проигравший может получить на родине пару ночей в КПЗ, а в худшем... Но не будем вот эти траурные марши сейчас запускать, рановато.

А дома жить хотелось. У нас, чурок провинциальных, так принято – хотеть домой. Сидишь ты хоть в Кремле, хоть на вилле Дюпона в кубинском баунти, а все равно плачь, играй на курае и хоти домой. Нацменский прикол такой, куда деваться.

Правда, наш нынешний работодатель, нефтяная компания, и так находилась на территории родного для нас края, но это был эдакий десант в тыл врага, а не полноценное возвращение. Новые хозяева бабайской нефтянки взяли нас, чтобы угодить сразу двум противоборствующим сторонам (на всякий случай, случаи-то разные бывают!). И было понятно, что если Бабай и его братва победят в сражении с Юревичем, под знаменами которого ходят и наши отряды, то и хозяева компании нас тут же отошлют за сто первый километр от Тришурупа.

И вот сегодня, похоже, Доцент стал свидетелем эндшпиля этого долгого позиционного боя.

В пансионат под Тришурупом въехали весьма серьезные «сантехники», по глупой отмазке руководства, имевшие планы починить работавшую как часы канализацию. На плечах у них были все виды современных вооружений для городского боя. Случись это сейчас – их бы точно назвали «вежливыми зелеными человечками». Поскольку они были точно так же, как крымские – в зеленых полусферах, вежливы, спокойны и до зубов вооружены, с ящиками патронов, гранатометами, пулеметами, снайперскими винтовками, автоматами. Было видно, что работа у людей такая – в разные части света десантироваться и быстрые победы одерживать.

Сколько их было – мы не знаем, а если бы и знали – не сказали бы, это ж наверняка военная тайна.

Пока эти товарищи заселялись под Тришурупом туристами, в кабинет Бабая зашел Роман Желтокнязев, его предполагаемый внутриклановый сменщик, и там уже сидели несколько основных действующих лиц.

«Шеф, они войска к нам ввели!!! Указ будет объявлен через час-два максимум!!! Ребята ждут, дай приказ!!!»

В это же время мы со Слоном налили по стаканчику и стали ждать, что будет дальше. Если бы все шло по нашему плану – то в этот же вечер в программах «Часы», «Бандитизм», «Закон и человек» и так далее, должны были бы появиться зубодробительные сюжеты на тему «оказывается, Бабай-то наш совсем нехороший!»

Схватили истерично приплясывающий в руках пульт, с пятого раза попали в «power». Сюжеты не заставили себя долго ждать. Особенно порадовал главный либерал страны Жиреновский, который, не парясь, шпарил без бумажки прямо целыми тезисами из все той же нашей полузабытой записки.

«Устроили авторитарный режим!!! Надо навести порядок! Увели народное достояние – нефтезаводы!» Жирек был как всегда яростен и убедителен. И чего ему доктора наук дали вместо Заслуженного Артиста?

Ну а сразу после Жирека, согласно нашей бумаге, должен был появиться Указ о снятии Бабая. В момент, когда этот указ появится, каждый из участников группы по съему деда должен был, где бы он ни находился, сплясать скайп-дэнс. Скайп был тогдашней главной связью бабайских революционеров, и там одним из эмодзи был смешной человечек, танцующий что-то среднее между яблочком и Y-M-C-A. Этого эмодзи мы всегда ставили в конце очередного сообщения, говорившего о каком-либо очередном локальном успехе антибабаевцев. Ну а в финале предполагалось сплясать скайп-дэнс вживую.

К слову, мы как раз и сидели в офисе той самой «Байнефти», о которой так переживал Жиреновский. И Бабай вообще-то давно ее отдал, думая, что теперь его не тронут и он и сам еще немного поруководит и оставит после себя, кого ему надо.

Может, так оно и получилось бы, если бы по дороге Бабай и компания в свойственной им манере не наломали всех возможных дров и не попали под чеченское скрипение Юревича зубами: «Снесу». Так и началась операция по сносу Бабая всяя Руси под кодовым названием «Осень патриарха». В эндшпиле которой кому-то, возможно, и понадобилась наша давно забытая самими нами записка.

А сейчас мы, от которых уже совсем ничего не зависело, смотрели на мирных жителей республики и завидовали их незнанию про войска, про подготовленных «ребят» с другой стороны, которые должны были отстоять Бабая любой ценой, потому как он дал им суверенитет, свободу и так далее.

Умным решением было бы для нас всех свалить, как Доцент, куда-нибудь за 101-ый километр и ждать, чем дело кончится, но, будучи теми, кто когда-то помог всю эту кашу заварить, мы не могли и шагу сделать в сторону от эпицентра.

Вдруг позвонили бы Партия и Правительство и начали бы нам задания давать? Потому мы пели у Шмелей «Рэд хот чилли пепперс», но на спиртное не налегали и поглядывали, нет ли на телефонах звонков с кодом +7495606XXXX.

Звонков с такими кодами пока не было. А чуть ранее нашему предводителю Василичу такой звонок раздался, и он услышал то, что крайне счастлив был услышать, да еще и так вовремя.

Перспективный нацкадр и кастинг преемников Бабая

За два года до энциклопедии

Василич увидел эти цифры на телефоне, когда Владислав Юревич искал себе эдакого «Доцента всяя Руси», кого-то системного, организованного, кто привнес бы чуть больше организации в креативный бардак Юревичевского хозяйства.

Выбор демиурга пал на молодого и перспективного бабаевского кадра, который за последние годы довольно успешно разгреб совсем не креативный, а, скорее, сельсоветовского образца, но тоже тот еще бардак, царивший у Бабая.

Юревич знал, что Василич как раз будет уходить скоро от Бабая, которому он много лет верой и правдой служил в политических делах «правой рукой», но руку эту чудаковатый дед сейчас собирался сменить на протез.

Бабай старел и понимал, что рано или поздно придется уйти.

Разумеется, будучи Бабаем, а не Билл Клинтон как-нибудь, к республике он относился как к своей не в смысле только Родине, а в прямом частнособственническом смысле. И, разумеется, кому попало отдать все, что нажито непосильным трудом, он не мог.

Лучше всего, конечно, было бы отдать республику, как положено на востоке, собственному сыну Рахиму. Но в столице большой страны, в состав которой, как на грех, Бабайская область вошла пять веков назад и выйти обратно не имела никакой возможности, Рахима не любили и вообще не ценили традиции прямого престолонаследия от отца к сыну.

Нужен был достойный преемник. Но такой при этом, чтобы родственников Бабая почитал и слушался, потому как власть из семьи в реальности никто отдавать не собирался.

«Правая рука» – Василич был достойным вполне. Да вот беда – находился он в состоянии абсолютного антагонизма с единственным сыном и наследником Бабая. И никого не волновало, что антагонизм возник, когда по команде самого же Бабая Василич отбирал (и с большим успехом) у его собственного сына Рахима власть и бизнес. Папа ведь может врезать сыну ремня, и никто не требует от сына к этому ремню каких-либо теплых чувств? Вот и у Рахима таких чувств к Василичу не было. Так что этот вариант отпадал сам собой.

Начались секретные поездки разных бабаевских любимчиков на просмотр в зловецкий офис Рахима за четырехметровым забором в центре Тришурупа. Наконец счастливый билет вытянул тогдашний бабайский министр по имени Роман Желтокнязев.

Он, как и многие другие, дал деду и его сыну все возможные клятвы любви и верности. Однако помимо любви в его случае серьезную роль сыграл и расчет. Расчет на папочку с надписью «Материалы дела», которую вскоре после ухода Романа Желтокнязева занес принцу генерал Асмодеев. Эта папочка еще появится в нашем повествовании, но всему свое время, мы вообще-то рассказывали о Юревиче и его поиске администратора посистемнее.

Юревич сделал Василичу предложение по завершении очередного совещалова по подготовке очередных выборов. Бабаевцы готовились покорить очередной рубеж по уровню любви ко всем, на кого Юревич укажет, и в позициях, в которых он скажет.

Хотел ли он при этом подучить Василича и вернуть его через пару лет назад вместо Бабая? Само собой, он имел в планах возможность держать строптивного деда в тонусе и заставлять пригибаться как можно ниже при рукопожатии, но настолько смелых схем по замене лидера одного из ключевых национальных регионов страны Юревич иметь не мог, даже находясь на пике своего могущества. Этого не смог бы с уверенностью пообещать тогда даже сам Михал Иванович, потому как финальное решение зависело от слишком многих факторов.

Но глубинка любит теории столичных заговоров, а столица охотно глубинку таковыми пугает. И вот в один прекрасный день в уважаемой федеральной газете под незатейливым

названием «Газета» вышла страшная-престрашная, похожая на так называемый «кремлевский слив» заметка с громким заголовком «Преемник Бабая». В роли преемника как раз и был там обозначен наш Василич. А вовсе не помазанник Бабаев Роман Желтокнязев.

Василич в это время уже написал заявление на «отпуск с последующим увольнением» и нежился в этом самом отпуске на излюбленном российском курорте в турецком городе Кемер.

От кремлевского слива нам со Слоном сильно подурнело.

Вроде и не от чего было переживать. Василича забирают не куда-нибудь, а в Кремль, большим начальником, не может же Бабай беспределит ему вслед?

Но Бабай мог.

Лет десять назад он был моим первым клиентом олигархического типа. Он тогда чуть не продул в одну калитку выборы такому же, как Бобр, олигарху, объявившему ему священный джихад, а потом набрал группу молодежи, которой и дал путевку в жизнь. Ну а молодежь ему делала красиво с утра до вечера и вернула его в привычное состояние политического тяжеловеса.

После этого дед, естественно, решил нас выгнать. Так у них, крутых, заведено. Если кто видел тебя в испуганном состоянии, да еще и приложил руку к твоему возвращению в бронзово-статуйное состояние, то сразу после возвращения в таковое гнать надо таких помощников взащей.

Мстить ему за это, само собой, никто не собирался. Выгнать – было его святым правом. Мы могли в ответ только благодарить и не имели, по неписаным подковерным понятиям, ни малейшего права раскрывать когда-либо деталей нашего сотрудничества.

Однако негласный протокол Бабай нарушил первым. После того как мы расшаркались перед ним и пошли дальше искать фраеров ушастых, он, со своей стороны, тоже должен был на встрече с любым себе подобным нас всячески расхваливать. Поначалу так он и делал. Но в один прекрасный день он решил, что наша бригада начала антибабайский заговор с целью свержения Бабая и водружения на его трон Василича.

Бабай, недолго думая, на всякий случай дал подчиненным силовикам команду нас закрыть. Или, если закрыть всех не получится, испоганить биографии уголовными делами, отсидками в КПЗ и тому подобным.

В то светлое для губернаторов время менты, судьи, прокуроры и все остальные, как правило, плохо представляли, в какой вообще стороне находится какой-то там «федеральный центр». Зато все очень хорошо знали, где им дают квартиры, где их берут в долян⁶ самых разнообразных больших и малых бизнесов, где их всегда любят и ждут – само собой, в областном «Белом доме».

Работа закипела.

Первым делом стражи порядка приняли в ночном клубе сильно нетрезвого раздолбаистого паренька, который был лет пять назад студентом Василича, любившего в свободное от госстроительства время поразмять идеи из своей кандидатской в Институте права. Естественно, в кармане у балбеса был огромный пакет героина. Прямо очень большой, лет на 7 срока с конфискацией. Балбесу была предложена нехитрая альтернатива – или «голуби летят над нашей зоной», или подпиши вот тут, что Василич и его нукеры вымогали с тебя взятку.

– А сколько вымогали-то, тут не написано?

– А, не написано? Ну, напиши – 5 тыщ. Да не рублей, дурило. Это ж не крупный размер. Долларов пиши. За что? За экзамен, ёпта.

⁶ В совладельцы.

Мы каждый день начали узнавать из бабайских газет, что кто-то из нас на совершал все больше всякого подобного, и с этим надо было что-то делать.

В результате после всего этого больше всего в жизни нам захотелось принять участие в заговоре Юревича против Бабая. Проблема была только одна – Юревич не планировал против Бабая никаких заговоров.

Но тут как раз и подвернулся Бобр с его предложениями. Ну и ок. Заговор можно было сплести и без Юревича, участие которого можно было инсценировать, благо переспросить у него все равно никто ничего не может.

Мы прекрасно понимали, что Михал Иваныч скорее введет зеленых человечков в Копенгаген, чем назначит мутноватого миллиардера с неясным происхождением капиталов главой одного из опорных хоть в финансовом, хоть в политическом смыслах краев державы.

С другой стороны – чем черт не шутит, а вдруг в секретных лабораториях уже есть набросок создания Копенгагенской Народной Республики, так что и Бобру в его мечте было отказывать нельзя. Тем более его мечта так удачно решала и наши практические задачи политического выживания.

Но в это время в далекой Швейцарии катались на горных лыжах несколько не сильно приметных людей.

Конкурирующая фирма

Люди были неприметны только на вид. Катались они средне, в ресторанах, как остальные их соплеменники, не бузили, тёлок модельного вида за собой стадами не таскали. Скромные на вид то ли менеджеры среднего звена, то ли разведчики.

Они, собственно, и были разведчиками. В прошлой жизни.

Они раньше служили с Самим Михал Иванычем в тех самых, каких надо Комитетах и Службах. Возглавлял группу лыжников неприметный человек с говорящей для разведчика фамилией Наружкин.

Формально в госиерархии Наружкин был непосредственным начальником Юревича. Однако тот оказался в политике сильно раньше шефа, имел большое влияние на Митю и много прямого общения с ним, а потому мог играть в свои, почти абсолютно самостоятельные политические игры.

Наружкин и Юревич относились к двум противоборствующим лагерям в окружении Михал Иваныча. К первому условно относили «силовиков», а ко второму – «либералов». Первый лагерь всегда призывал «ловить» и «не пущать», называя либералов предателями и агентами Запада; а второй призывал влияние генералов ограничить, пока они не объявили войну всему миру и не устроили в стране геноцид и голодомор, а с Западом (да и остальными частями света) дружить и совместно мутить⁷ на радость и процветание элит всех стран.

Наружкин, один из заметных представителей генеральского лобби, тоже имел свои виды на Бабайскую область. Силовики на тот момент были давно уже вошедшими во вкус и понявшими, что основа власти – не только пушки и пулеметы, а посильнее «Макарова» будут те пистолеты, которые вставляются в баки на заправках.

⁷ Организовывать взаимодействие.

Иными словами, «Байнефть» силовикам нужно было вернуть себе. Им очень не нравилось, что сейчас ею командовал тот самый Пентюх, который утверждал, и небезосновательно, что «Митя еще генералам покажет».

Для того чтобы вернуть «Байнефть», губернатором Бабайской области желательно было сделать кого-то своего. Не то чтобы губер⁸ мог как-то на этом этапе развития страны повлиять на само решение о переходе этого куска в чьи-то руки, но на скорость и информационный фон при передаче – вполне мог.

Поэтому Наружкин катался на лыжах в этот раз с Хамидом Рустамовым, который разведчиком не был, а был, напротив, по своей биографии вполне себе либералом.

Он заявился в бабайской политике в начале девяностых, когда самыми трендовыми темами в обществе были экология и выборы народных депутатов. Ну, Рустамов не подрастерялся и выбрался народным депутатом на платформе защиты населения от экологических бедствий.

С как раз пришедшим к власти хозяином области – Бабаем у Хамида как-то сразу не сложилось. Бабай Рустамова за своего не принимал. Он был не из одного с ним района, а вообще с другого конца области, а для ультраконсерватора Бабая это было важно. Рустамов и внешне не был похож на большого начальника. Худой. Турист. КСП-шник (это которые «Изгиб гитары желтой»). Эколог (Бабай природу любил, но защитников ее почему-то презирал всей душой). «Несерьезный какой-то щеловек!» – с этой характеристикой Бабая на серьезную карьеру в Тришурпе Хамид рассчитывать не мог.

Однако худой усатый человек с гитарой оказался не так уж прост. Не получается рядом с Бабаем – начал делать карьеру по федеральной линии. Поначалу войти в нее было легко, в «федералы» никто не стремился, кормушка Бабая была многократно сытнее. Однако с приходом Михал Иваныча к власти все изменилось. Это раньше, когда Хамид представлял некое московское ведомство в Тришурпе, в приемной у него ветер гулял. А при освоившемся Михал Иваныче – Рустамов стал солидным чиновником с весьма и весьма хорошей «проходкой»⁹.

Когда Наружкин начал осматриваться и думать, кого бы могли поддержать генералы в толкотне за право рулить Бабайской областью, человек с десятком пусть и средней величины, но вполне солидных федеральных должностей, выходец из Тришурпу, да еще и не аффилированный с Бабаем, его внимание не привлечь не мог.

Либеральный рустамовский имидж Наружкина не смущал. Изучив биографию контрагента, он пришел к единственно верному выводу, что Хамид верен вовсе не либерализму, а федеральному центру. Будучи одним из высших чинов этого самого центра, Наружкин знал, какие слова сказать при вербовке, чтобы будущий губер оставался верен вербовщику.

А будучи разведчиком и изучив натуру кандидата, Наружкин понимал, что для Рустамова важна и эмоциональная составляющая. Организовать турпоход с песнями у костра – пожалуй, будет ту мач¹⁰, видимо, подумал разведчик и сделал так, чтобы не такой уж и крупный чиновник вдруг оказался с ним в одной компании на горнолыжном курорте.

Сам Рустамов не знал тогда и не знает теперь, было ли это их знакомство, взаимная симпатия и решение двигаться в сторону его губернаторства в Бабайской области тщательно спланировано Наружкиным или присутствовал тут элемент случайности. Но это только придавало «старшему товарищу» таинственного флера и отбавляло решимости спорить с ним, о чем бы то ни было.

⁸ Губернатор.

⁹ Так чиновники называют трудовую биографию, которая может или дать, или не дать «пройти» на высокие позиции.

¹⁰ Too much – слишком много, часто используемое чиновниками клише (англ.).

Так или иначе на наследие Бабая нарисовалась тогда со всей отчетливостью конкурирующая фирма. Методы конкурентов отличались друг от друга кардинально. Им еще предстояло познакомиться с другими претендентами на бабаевский трон и узнать, чье кунг-фу в итоге оказалось сильнее.

По закону или по совести

Претендентом номер один на бабайский трон был, само собой, тот, кого хотел видеть своим преемником сам Бабай. Роман Желтокнязев уже был объявлен преемником стареющего лидера и назначен премьер-министром областного правительства.

Но крылья Роману едва не подрезали прямо на взлете. За пару дней до подписания указа об этом назначении к Бабаю записался на прием генерал Асмодеев...

Генерал был старорежимным силовиком. Исключительно интересной личностью исчезающего вида. Главной целью его жизни было – служить. Именно служить, а не работать в органах. Служить, как верный пес служит своему хозяину.

«Что за времена наступили? Служить некому», – опрокинув третий подряд стакан коньяка, со слезами на глазах сказал Асмодеев однажды, когда понял, что его и Бабая власть кончилась. Пусть не де-юре, но де-факто уж точно. Губернская элита обмелчала, стала лишь тенью столичной и не вершит больше судеб миллионов людей.

Своей работой он считал силовое обеспечение именно такой, вершащей миллионы судеб власти. Он был профессионалом высшей возможной пробы. Он знал все обо всех. О каждом чиновнике. О каждом коммерсante. О каждом уголовном авторитете.

Но это не означало, что он с утра до вечера носился с дубиной за всеми по всем известным ему поводам.

Он понимал, что человек (в том числе и чиновник) – грешен, а законы – слишком строги. «Был бы человек – статья найдется», – любил говаривать он расхожую фразу, будучи на собственном жизненном опыте уверенным ровно на 100 % в ее буквальном семантическом наполнении. И считал, что если за буквально каждое нарушение закона посадить каждого, то сядут все 4 миллиона жителей Бабаестана. Предпоследним он должен будет отправить в тюрьму Бабая, а последним – недрогнувшей рукой – самого себя.

Это было бы неправильно, ведь если сидеть будут все, кто будет обеспечивать функционирование государства? Примерно так рассуждал генерал.

Этот ход мысли подсказывал ему, что сажать или не сажать тех или иных людей – нужно решать в зависимости от государственных интересов и политической целесообразности.

Гораздо важнее формального исполнения законов для него было следование людьми на всех уровнях кастового Бабаестана «понятиям», неким негласным представлениям слоев общества о совести.

«Принцип Джавахарлала Неру гласит, что брать надо в меру!» – улыбаясь и пристально глядя собеседникам в глаза, говорил он, выпивая с чиновниками. И каждый прекрасно знал, что в этой шутке нет ни малейшей доли шутки. Что, если чиновник, отвечающий, например, за строительство, в целом нормально выполняя свои обязанности, заведет на рынке свою фирмочку среднерыночного размера, которая будет строить и зарабатывать, пусть даже и на госконтрактах – генерал Асмодеев похлопает как-нибудь такого чиновника по плечу в ходе застолья и скажет: «Молодец, парень. Не грубишь». Чиновник в ответ взбледнёт и выдавит из себя что-то вроде:

– Ну я же С ПОНЯТИЕМ человек, не бандит какой-нибудь.

А вот если тот же чиновник со своей фирмой начинал наглеть, занимал год от года все приближающуюся к ста процентам долю рынка, остальные предприятия душил и обкладывал данью – на такого беспредельщика заводилась папка, куда аккуратно складывались особенно выпуклые факты. Потом папка относилась Бабаю, и он, как правило, абсолютно и слепо доверяясь верному легавому, незамедлительно выписывал нарушителю принципа Неру «волчий билет».

Иногда бывало и наоборот. Кто-то из конкурирующих силовых организаций приносил Бабаю компромат на какого-либо чиновника. Бабай в таких случаях никогда вслепую решение не принимал и просил Асмодеева проверить информацию.

Однажды, когда я заведовал в бабаевском аппарате пиаром, компромат принесли на меня. Асмодеев пригласил меня в свой красивый кабинет на Успенской улице, налил до краев два стакана «Хеннеси» и начал без предисловий:

– Бабай попросил тебя проверить. Кто-то сказал ему, что ты вместе с Веремченко втихаря собираешь медиахолдинг. С прицелом на следующие выборы...

Стальной холод его глаз немецкой овчарки не оставлял никакого выбора. Несвязные признания в совершении ряда преступных деяний потекли из меня, тогда 25-летнего щегла, сами собой:

– Радмир Устинович, ну да, я купил... Ну то есть на родню записал, так что не я, так-то... несколько СМИ у оппозиционеров, и у Веремченко тоже... Но не против же Бабая! Наоборот, пусть люди читают, доверяют информации, мы же там будем государственные интересы аккуратно проводить! Ну а если заработаю чего заодно – я ж не украл, а на свои купил?!..

В горле пересохло. Сделав большой глоток коньяка, я уже представлял себе стены камеры и все такое. «Злоупотребление служебным положением в личных интересах», – кажется, так закон говорит о таких, как я, деятелях. Я ведь еще не знал тогда, что Асмодеев живет, как он же говаривал, «не по закону, а по совести».

– Я знаю, сынок, – неожиданно для меня сообщил он. – Поэтому и рассказываю тебе про поручение Бабая. Информацию по тебе ему «конторские»¹¹ принесли. Я-то не стал его этим беспокоить, видел, что ты не грубишь. Так что тебе надо поаккуратнее вести себя пару месяцев. Открыто не встречайся с подельниками своими по холдингу. По телефону ничего не обсуждай. Когда тебя и они, и мы с прослушки снимем, я дам знать. Но лучше вообще на всякий случай всегда имей в виду, что любое твое слово могут услышать, записать и использовать против тебя. Хоть с женой говоришь, хоть с другом, хоть с подругой. Ты в политике теперь, сынок. Плесни-ка еще коньячку.

Лихорадочно схватив бутылку за круглое пузо трясущейся рукой, я почему-то начал наливать «через руку». Так говорят, когда кисть правой руки при разливе вращается по часовой, а не против, как обычно.

Тут глаза Асмодеева недобро сверкнули:

– Слава, ты умный мальчик и нравишься мне. Но если ты вот так будешь наливать – то далеко не пойдешь!

Порядок разлива коньяка, очевидно, тоже был установлен кодом из свода асмодеевских понятий, нарушать которые было нельзя ни в одном из параграфов.

А на тех, кто понятия нарушал, продолжали перманентно пухнуть папки. Папка Желтокнязева достигла предельных значений толщины, на его беду, аккуратно перед возможным назначением. К тому же Асмодеев знал о возможности такого назначения и решил рассказать Бабаю, чего накопилось о возможном преемнике по линии нарушения неписаного кодекса поведения чиновника.

Бабай листал папку, чернея от листа к листу все больше.

– Думаешь, действительно Рома убил его?

Речь шла о нашумевшем убийстве одного из силовиков, расследовавших коррупцию в ведомстве, которым как раз руководил в те годы Желтокнязев.

– Есть данные в пользу такой версии, шеф. Не сам, конечно. Но может быть причастен. Полностью мы работу не закончили по этому эпизоду. Но там и хорошо исследованные есть, посмотрите.

¹¹ «Конторой» на чиновничьем сленге называют Службу Государственной Безопасности описываемой страны.

Вечером Бабай решил сообщить сыну новость о том, что они чуть не доверили судьбу родины и семьи человеку, которого верный Асмодеев подозревает в причастности к убийству. Ответ удивил его не меньше самого генеральского доклада:

– Да знаю я, пап. Но это же хорошо. Мы не можем поставить кого-то, на кого ничего нет. Мы же не смогли бы такого контролировать!

Дед пожал плечами – «вам жить-то!» – и подписал наутро указ.

Энергичные люди из провинции

С назначением Романа Желтокнязева, по кличке «Желтый», премьер-министром Тришуруп начали заполнять энергичные люди из провинции. То есть и сам Тришуруп был самой что ни на есть глубинкой, куда поезд идет из столицы больше суток. Но по сравнению с теми местами, откуда все эти красавцы рванули вслед за Желтым в коридоры власти и бизнеса, Тришуруп – это центр мироздания. Нью-Йорк. Сингапур, ни дать ни взять.

Желтый – мужчина простой. У него в мозг вмонтирована примитивная, но надежная, советского еще производства система «свой-чужой». Свои – это, понятно, сначала родня, потом друзья. Однокашники, коллеги, с которыми знаком много лет. Потом их друзья и родня. Потом просто земляки. И только потом те, кого узнал в последние годы.

Свои всегда лучше чужих. Априорно, бездоказательно. Лучше и все. Даже если они «институтов не кончали», даже если не работали нигде, кроме предприятий районного значения.

Бабая часто упрекали за клановость, но в сравнении с Желтым он оказался демократом, круче Новодворской, Кара-Мурзы младшего и Борового, вместе взятых.

У Желтого, совсем недавно переехавшего в Тришуруп из одного отдаленного района, которым он там руководил, мир тупо делился на людей двух видов: «с моего района» и «не с моего района».

Тришурупцы ему очень не нравились. Хитрющие такие, стоумовые, вечно лезут со своими замечаниями. Желтый прекрасно понимал, что, если он наберет тришурупцев в свою команду – они не будут ему верными псами, будут посмеиваться втихаря над его колхозным происхождением, манипулировать, плохо выполнять «команды».

А именно на «выполнении команд» была построена система управления по Роману Желтокнязеву. Руководитель нужен, чтобы брать на себя ответственность, принимать решения и давать команды на их выполнение. Подчиненные должны не лезть с возражениями, а выполнять команды.

Бабай, возможно, ментально изначально был таким же «командиром». Но до руководства областью он рулил огромным нефтехимическим предприятием и прекрасно понимал, что прежде чем давать эти самые команды, нужно ровно на сто процентов быть уверенным в правильности постановки вопроса, иначе половина области на воздух может взлететь. А для этой правильности без умников всяких не обойтись.

Желтый же всегда был чиновником. А быть чиновником в нашей Великой Стране тем и хорошо, что ты просто командуешь и пиаришься, тащишь вверх по карьерной лестнице своих дружков, дружки тащат тебя. Никакого контроля за твоей эффективностью ни со стороны общества, ни со стороны вышестоящих чиновников нет. Совсем нет. Услышите разговоры про «коэффициенты эффективности чиновников» – выкиньте их сразу из головы. Оценки расставляет каждый начальник всем нижестоящим, исходя из личных симпатий/антипатий.

Один крупный руководитель федерального уровня говаривал:

– Наш чиновник должен хорошо делать три вещи: хмурить брови, морщить лоб и надувать щеки. А первое, что нужно сделать любому вновь назначенному большому начальнику, – создать очередь в приемной.

Если очередь есть – это означает, что Иван Иваныч «решает», и поэтому все к нему идут. А там – пусть хоть актеры массовки сидят в приемной часами.

После назначения Желтого премьером Бабай как-то сник и почти полностью устранился от руководства вверенным регионом. Сын, жена, теща и другие члены его негласного политбюро объяснили ему, что фокус их операции «преемник» в том, что они дадут Желтому сфор-

мировать всю губернскую власть под себя, отстроят под него весь Бабаестан, включая федералов. А когда придет время смены губернатора – у Михал Иваныча с Митей не останется другого выбора, кроме как оставить править премьера, держащего крепко все нити управления сложным регионом в своих натруженных руках.

Рациональное зерно в этом плане, надо сказать, присутствовало.

Областная нефтянка уже перешла на тот момент в руки федералов, то есть, с колокольни Михал Иваныча, какого-то огромного экономического смысла в случае смены власти в тришурпском Белом доме не было. Руководителей страны больше волновали вопросы политической стабильности, а кто таковую обеспечит – для них было не так уж и важно.

То есть Желтому нужно было всего лишь показать, что он пользуется авторитетом в регионе, знает его, имеет опыт управления, ну и главное – лоялен столице нашей родины.

Желтый начал активно воплощать задуманное в жизнь с усиления внутри региона. Самым простым решением, на его взгляд, было всех, кто работал там до него на руководящих постах, выгнать и поставить на таковые своих верных нукеров. Зачем оставлять в начальниках тех, кто работал при прежнем фаворите Бабая – Василиче и, наверняка, чем-то ему обязан? Предадут, продадут, подставят. Нормальная такая логика начальника районного масштаба.

Указы посыпались как купюры в машинке для пересчета денег. «Уволить-назначить», пачками. Уволить Петрова, карабкавшегося по карьерной лестнице 30 лет из министров, промышленности, поставить Иванова, который командовал пару лет чем-то в смежной отрасли, например, лесопилкой в районе, который осчастливил нас появлением на свет Романа Желтокнязева.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.